

Писатель Юрий Поляков: Ругать власть можно и справа, и слева

12 ноября – 65 лет со дня рождения известного писателя и драматурга

Накануне юбилея автор «ЧП районного масштаба», «Козленка в молоке», «Грибного царя» и многих других произведений, которые любят миллионы, побывал на Радио «Комсомольская правда» (97,2 FM) на записи популярной программы Андрея и Юлии Норкиных «Простыми словами». Вот самые интересные, на наш взгляд, фрагменты...

«В современной драматургии катастрофа»

– ...Юрий Михайлович, сейчас в самом разгаре театральный фестиваль «Смотрины» по вашим драматическим произведениям... А что вообще сейчас происходит с российским театром?

– На мой взгляд, если брать современную драматургию, в общем-то мы имеем почти катастрофу. Почти за 30 лет не выдвинулся ни один драматург общенационального уровня, я не говорю уже о масштабах Островского, Булгакова, Вампилова. Почему? Потому что ставка была на новизну любой ценой. Но ведь если нож точить бесконечно, у вас в руке останется одна ручка. Вот «ручка от ножа» вместо драматургии и осталась.

– Что, у нас и ремесленников нет?

– Ремесло – это замечательно. Но очень плохо с начальной профессиональной подготовкой. Именно с ремеслом, как заявил мне один начинающий автор пьесоподобных текстов: «Я пишу доаристотелевскую драму». Я говорю: напиши хоть одну аристотелевскую, а потом берись хоть за догомеровскую. Человек не может написать нормальную пьесу с началом, серединой, с концом. Но его тут же тащат на «Золотую маску», вручают премии. После этого он считает: а зачем мне учиться?

«Без подобострастия, но объективно»

– Ваши первые повести отличались острой критикой. И это было очень шумно. Тем не менее для либералов вы один из самых неприятных людей.

– Вообще это один из мифов, что критика властей может быть только либеральной. У меня из-за этого была полемика с Николаем Сванидзе. Он сказал, что журналист не может не быть либералом. А коли не либерал, то и не журналист. А пропагандист. Критика существующего порядка вещей может быть и справа, и слева. Кто-то может критиковать власть за то, что она слишком жесткая. А кто-то – что она слишком мягкая и оттого недостаточно эффективная. Что опаснее: избыточность или недостаточность государства? Это еще вопрос.

– А вот ваша цитата: «Если писатель-публицист во всем согласен с властью, он приспособленец. А если писатель ни в чем и никогда не согласен с властью, он негодяй». Это о чем?

– Все правильно. Вот я всегда был в оппозиции к Ельцину, я считал этот режим преступным. Я был одним из основоположников антиельцинизма в литературе, и сатирически – даже, как считают некоторые критики, издевательски – его изобразил и в «Апофегее», и в «Демгородке». Но я не утверждаю: все, что делалось при Ельцине, было неправильным. Точно так же и нынешние власти: они сделали много положительного, но еще больше они не сделали для народа и страны. Власти не надо хамить, но и говорить с ней дрожащим голосом не следует.

«Архипелаг ГУЛАГ» не нужно изучать в школе...»

– А что смущает вас в Солженицыне?

– Ничего не смущает. Кроме того, что он не мой писатель. Для удовольствия я его никогда не читаю. Я для удовольствия Гоголя, Бунина, Булгакова, Катаева читаю.

– Ну как же, он же правду написал. Сколько было в концлагерях наших замучено...

– Да, свою правду, не совпадавшую с исторической реальностью. Он опирался на тогдашние мифологические цифры жертв, в десять раз превосходящие реальные. Все равно речь идет о гигантских жертвах перманентной революции, но преувеличивать зачем? А ярлык ненавистника Солженицына мне приклеили в 2014 году, когда я со своим неосторожным прямодушием возмутился, что уже за четыре года до юбилея во все организации прислали циркуляр, как отмечать столетие писателя, а о Константине Симонове, у которого в 2015 году тоже 100-летие, о Горьком, у которого 150-летний юбилей, о Тургеневе с его 200-летием ни слова. Как же так? А ведь они сделали для нашей культуры, мягко говоря, не меньше.

– Считаете, это реверанс властей в сторону либералов?

– Нет, просто наши власти решения принимают зачастую под давлением «ходовков». За Горького, видно, тогда попросить было некому. Кроме того, я имел неосторожность напомнить, что Александр Исаевич говорил о Советском Союзе – о нашей с вами Родине, на минуточку! – живя в США. А он призывал Америку активно бороться против Советского Союза... А когда я «до кучи» сказал, что «Архипелаг ГУЛАГ» – это не та книга, которую нужно изучать в школе...

– Почему?

– Потому что вещь очень субъективная. Там много фактов, которые потом историей не подтвердились. Там же есть апологетические, мягко говоря, главы о предателе

генерале Власове. Вот есть замечательная вещь Солженицына «Один день Ивана Денисовича». О жизни политических заключенных в лагере. Хотите понять эпоху, трагедию этих людей, которые пострадали – кто невинно, а кто и за дело, – читайте «Один день...».

– Может быть, ваш конфликт связан с тем, что он писатель антисоветский, а вы советский?

– Я – советский. Но если в нашем государстве и дальше будут размываться базовые ценности, то это плохо кончится. Вот Солженицыну, который с пониманием относился к Власову, считая измену формой борьбы с ненавистным режимом, поставили памятник. И я хочу заступиться за Дмитрия Быкова, хотя он герой отнюдь не моего романа. На него спустили всех собак, когда он высказался о желании написать книгу о Власове в серии «Жизнь замечательных людей». Ребята, вы уже определитесь. Если за одни и те же идеи одному ставят памятник, а другого ругают, как последнего сукина сына, это какая-то форма государственной шизофрении.

«В СССР была культурная политика. А сейчас ее нет»

– Вы давно говорите, что государство неправильно поддерживает театр, кино, выделяет деньги на съемки и постановки, мягко говоря, невысокого художественного уровня. Почему государство не следит, на что потрачены средства?

– Мне кажется, проблема не в государстве, а в том среднем слое чиновников, у которых просто нет ни мировоззрения, ни каких-то идеалов. Вы знаете, в каком российском фильме снялся нынешний президент Украины? Да, «Поручик Ржевский и Наполеон». Более чудовищной ерунды, снятой на государственные деньги, да еще к 200-летию победы над супостатом, невозможно вообразить.

– Погодите, вот вы председатель Общественного совета Минкультуры...

– Общественный совет не принимает решений, он рекомендует и

предостерегает. Была история с фильмом «Смерть Сталина», которому неожиданно выдали прокатное удостоверение. Потом посмотрели и сказали: батюшки, это же поклеп на нашу непростую историю.

...В СССР была культурная политика. А сейчас ее нет. Как системы. Я уже упоминал юбилеи великих писателей мирового уровня. Хоть один фильм по их произведениям был создан к годовщине? Почему? Бог весть...

– Может, и хорошо? Вы представляете, что сейчас сделают из классиков? «Матильду» помните?

– Хотиненко, Кара, Лебедев очень даже хорошее кино сделают. А вот зачем лезть в личную жизнь сложного нашего царя, когда общество так разделено, я не понимаю.

– Провокация. Но ваши-то книги тоже провокационны.

– Провокативны. Меня однажды спросили: как вам вариант – ваши вещи никогда бы не напечатали, но Советский Союз сохранился бы, 20 миллионов русских не оказались бы за рубежом людьми второго сорта? Я ответил так: да хрен с ними, с этими повестями. Страна и люди дороже.

– Гниение государства – это абсолютно отрицательный процесс. Но если государство решит ввести цензуру и гайки закрутить, это процесс гниения не остановит...

– Есть цензура и цензура. При советской власти это был государственный инструмент. Цензура, как понимала, защищала интересы страны в прессе, в искусстве. Правильно, неправильно, но защищала. Сейчас у нас цензуры государственной нет. Но есть корпоративная, есть цензура политических блоков, есть цензура тусовки.

Есть либеральные издания, скажем, журнал «Знамя», в котором просто заявляют: писателя Полякова для нас нет. Это тоже цензура. Конкретной политической группы. И она, кстати,

гораздо беспардоннее, чем советская цензура, с которой можно было бороться.

– Так где же рамки этого разумного ограничения?

– А в этом и есть мудрость. Здесь надо в каждом конкретном случае договариваться. Если выйдет какой-то роман, который, с моей точки зрения, неправильно оценивает войну 1812 года, да и бог с ним, у нас плюрализм. Но зачем на казенные деньги снимать к юбилею и показывать по телевизору дорогостоящую белиберду с издевательствами над нашими святынями? Вы мазохисты? Я – нет!

* * *

– Вот еще один отклик: «Поправочка, Норкины. Запрос лишь на моральную цензуру, а не на политическую».

– А почему не на политическую? Если кто-то скажет: а я за развал Российской Федерации, мы что, должны это спокойно скушать? У нас были такие любители развалов, угробили Советский Союз и теперь прекрасно живут в Штатах, но почему-то не призывают разваливать это государство. Знают, сразу посадят.

БЫЛ СЛУЧАЙ

Как из-за Полякова чуть не закрыли «Комсомолку»

– Это было в 1993 году. Когда Ельцин расстрелял в «Белом доме» мятежный парламент, я написал статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция». И отдал ее в «Комсомольскую правду». В либеральной прессе не было ни одного материала против расстрела «Белого дома», а оппозиционные органы закрыли. Моя статья оказалась единственной, в которой осуждался этот преступный акт. И она вышла в «КП». И газету решили закрыть. День она не выходила, потом помиловали.

– Почему вы считаете, что расстрел парламента – это страшная история?

– Потому что это был первый конфликт между президентской и парламентской властью. Если бы тогда из него вышли с честью, с помощью переговоров, мы бы сейчас жили в другой стране. И у нас бы не было столько претензий к качеству нашей демократии, которая у нас, по сути, сувенирная. Уж лучше монархия...

– ***Как-то пессимистично... А по жизни вы оптимист?***

– Конечно, оптимист, если продолжаю сочинять книжки, когда до меня столько написано и такими гигантами!

Александр Гамов, Любовь Моисеева

